

П. Сотникян

О местоимении

В частях речи, за исключением междометий и первой группы местоимений, указание на объект производится качественно, непосредственно. В первой же группе местоимений, к которой относятся лично-предметные, возвратные, притяжательные, указательные¹, кроме относительных, указание на объект производится некачественно, опосредственно (см. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 26).

Эта опосредственность выражается в двух моментах. Основной момент: объект определяется через говорящее лицо, напр., я — говорящее лицо, ты — собеседник, он (она, оно) — лично-предметное местоимение третьего лица. Этот момент и делает указание на объект опосредственным, некачественным.

Второй момент — это конкретизация, производимая благодаря подсказывающей обстановке или жестом. Здесь объектом является присутствующая личность или наличный предмет, или конкретизация производится путем указания на имя лица или на название предмета.

В этом опосредственном указании на объект постоянным моментом является отношение говорящего к процессу речи, а переменной величиной — конкретная личность, которая каждый раз меняется. В живой речи основной момент — определение через говорящее лицо — получает характер средства, цель которого указать на конкретную личность. Вот почему род личного местоимения определяется по конкретной личности (ее полом)². Вот почему я и ты не могут быть заменены никаким другим адекватным словом.

¹(Указательное местоимение теряет зависимость от говорящего лица, если определяется относительным, напр.

В ком есть совесть и закон,

Тот не украдет, не обманет (И. А. Крылов).

Определяясь относительным местоимением, указательное получает свойство побочности (см. дальше).)

² Возьмем понятие я. Хотя в это понятие я входит момент конкретизации, но она фактически не производится, и получается весьма отвлеченный характер, без конкретного лица. Такое я, лишенное конкретной личности, ставится в среднем роде. „Я... не способно к принятию на себя множественного числа“ (см. „Русский язык“ акад. В. В. Виноградова, 330).

От этого надо отличить тот случай, когда конкретизация производится обобщенно, например в монологе Осипа из „Ревизора“ Гоголя (см. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 4332): „Всякий ты, ты вообще“, „такое обобщение“, „к слову ты оно мало подходит“ (там же).

В парадигмах прошедшего времени и условно-желательного или сослагательного наклонения личные местоимения играют роль глагольных префиксов („Русский язык“ акад. В. В. Виноградова, 317, 330). Это возможно только потому, что конкрет-

Не таково третьеличное местоимение он (она, оно). Оно смело может быть заменено названием соответствующего предмета, и даже фраза в этом случае выгадает в ясности. Такой замены не может быть с личными местоимениями я и ты. При попытке выразить их названием самого предмета вместо первого и второго лица получится третье лицо. Замена же местоимения третьего лица названием предмета нормальна, так как местоимение он и название предмета остаются в сфере третьего лица; не изменяется и позиция речи; она третьелична. Вот почему ни Петров не заменяется словом я, ни обратно, я не заменяется словом Петров (см. «Русский язык в школе», 1940, № 6, статья проф. Зарецкого). Замена в том, что вместо качественного, непосредственного указания на предмет возможно указать опосредственно, путем личного местоимения (ср. со статьей проф. Зарецкого, стр. 16, там же).

Неправильно утверждение, что местоимения означают отношения (см. акад. А. А. Шахматов, Синтаксис, в. 2, 85), так как в местоимениях первой группы эти отношения даны не сами по себе, а служат средством для указания на конкретную личность¹. Этот пункт выясняет, почему нельзя личные местоимения при их конкретизации считать формальными словами, как это делали Беккер, Гейзе («Форма субстанциальности в ее абстрактной всеобщности») и др. (ср. А. М. Пешковский, Русский синт., 4140; см. В. В. Виноградов, Соврем. русск. яз., в 1, 32). Как говорит акад. В. В. Виноградов (там же), еще Фр. Бопп указывал на языки, в которых не нуждаются в постановке личного местоимения, так как окончание глагола уже указывает на лицо, на субъект². Если такой глагол,

тизация здесь вовсе не производится, наличным остается лишь определение через говорящее лицо, т. е. лишь средство, а цель личного местоимения, указание на конкретную личность, ступшевывается. Таким путем я и ты становятся личными префиксами, например в русской фразе «я сказал» с силою речи на втором слове (Потебня, цит. раб., 58).

¹ «Местоимение это та незначаменная часть речи, которая, означая отношение, соответствует или названию субстанции или названию атрибута» (Шахматов, Синтаксис, в. 2, 5).

Это противоречиво. Отношение в субстанции это ее внутреннее свойство, как, например, отец, сын и т. д.; такое отношение не мешает наличию субстанции; или же отношение служит средством для опосредственного указывания на предмет (например, личные местоимения).

В обоих случаях специфическим признаком служит не отношение, а субстанция.

Объектом в частицах речи является отношение; здесь оно специфика. Оно имеется в предлоге, союзе и частице речи в тесн. см. На это отношение, как на объект, указывает соответственный звукокомплекс, напр.: «Если ты придешь, я познакомлю тебя с новинкой»; «Под горой находится здание комсомола»; «И Пётр ушел».

Характерно, что к числительным Шахматов применяет тот же метод определения. «Числительное это та незначаменная часть речи, которая, означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции или атрибута» («Синтаксис», в. 2, 3—4).

² Действительный член АН Армянской ССР Манук Хачатурович Абемян в предложении «գնաց» (он «ушел») находит наряду с предикатом и субъект, который выражен личным окончанием третьего лица глагола «գնաց», так что в предложении

напр. латинское *dico*, употреблен в речи, а не в парадигме, то обстановка дает конкретизацию лица. Если такой глагол употреблен в парадигме, где нет конкретизации, то он становится равным глаголу с личным местоимением, остающимся без конкретизации)

Неправильно рассматривать числительные как особый разряд местоимений (акад. Шахматов, Синт., в. 2, 91), ведь в них мы имеем совокупность единиц, а не отношение.

(Прав А. А. Потебня, когда пишет: «Местоимения, кроме некоторых случаев, означают не отношения и связи, а явления и восприятия...» («Из записок...», 26).

В личных местоимениях совмещается самая высокая отвлеченность с самой большой конкретностью.

В. И. Ленин пишет в своих «Философских тетрадах» (283) («Это?» Самое общее слово).

Кто это? Я. Все люди я. Чувственное вообще? Это есть общее etc. etc. «Этот»? Всякий есть «этот».

Не этой ли наличностью конкретного говорящего и собеседника объясняется отсутствие личных слов я и ты (мы, вы) при соответственных глагольных сказуемых в синтетической форме? Флексия глагольного сказуемого дает реляцию на 1-е или 2-е лицо; эта реляция конкретизируется в фактически наличном говорящем или собеседнике, так что упоминание личных слов становится излишним. Личные слова ставятся лишь в тех случаях, когда по каким-либо соображениям надо подчеркнуть это я или ты (когда оно логически «ударно», при «увещевании», при «враждебной эмоции» с «торжественной, ритмически замедленной интонацией») (см. Пешковский, Русск. синт., 4169).

Лично-предметное местоимение он (она, оно) и указательное местоимение имеют общий местоименный момент: определяются через говорящее лицо; но во втором моменте, моменте конкретизации, они действуют различно. Указательное местоимение конкретизацию производит, определяя имя лица или название предмета, т. е. действует как прилагательное, конкретизирует опосредственно, через определяемое имя или название.

Если конкретизация производится путем жеста или окружающей обстановки в отношении присутствующего лица или наличного предмета,

«Տիգրանը գնաց» («Тигран ушел») слово «Тигран» является лишь восполнением этого третьего лица, уже выраженного личным окончанием («Հայոց լեզվի տեսությամբ» — «Теория армянского языка», 364—365, Манука Абегяна).

Неправильность этой точки зрения выясняется благодаря критерию отдельности объекта слова. В слове «գնաց» наличен лишь один слитный двуобъект (действие и его наличность), и этот объект заключает в себе реляцию, отнесенность к субъекту. Каков же объект названия, служащего субъектом? На это слово «գնաց» не указывает и не может указать. Поэтому личное окончание третьего лица является голой реляцией, но не указанием на объект субъекта. На этот объект субъекта указывает лишь слово «Тигран», или он, как замена существительного «Тигран». По этой причине «Тигран» не может служить восполнением к слову «գնաց», а если автору так показалось, то это произошло потому, что у него слово «Тигран» и его замена «он» были перевернуты в своих отношениях.

если указательное местоимение употребляется в замену названного лица или предмета, то конкретизация получает непосредственный¹ характер, т. е. указательное местоимение превращается в лично-предметное.

«Указательные местоимения, как общее правило, по-видимому, для всех языков, заняли в парадигме склонения личных местоимений положение его третьего лица» («Чл. предл. и части речи», акад. И. И. Мещанинова, 234).

«Такое обособленное положение 3-го лица по сравнению с первыми объясняется тем, что 3-е лицо оказывается не личным, а указательным местоимением, по крайней мере в прошлом, а в некоторых языках и в своем современном состоянии» (там же, 226).

Возьмем слова «человек» и «он».

При весьма высокой отвлеченности этих слов сохраняется та кардинальная разница между ними, которая отграничивает местоимения первой группы от существительных и прилагательных. Слово «человек» указывает на объект качественно; оно указывает на объект хотя бы самым незначительным штрихом из отвлеченного содержания своего образа, а личное местоимение «он», определяясь через говорящее лицо, указывает на конкретную личность опосредственно, некачественно. Таким образом, «человек» не получает свойства местоимения, вопреки утверждению акад. А. А. Шахматова (там же, 90).

То же надо сказать о таких новых «местоимениях», как: **народ, вещь, штука, душа** и т. п. (см. у акад. В. В. Виноградова, Русский язык, 325), а также о словах: **данный, известный, определенный** (см. А. М. Пешковского, Русск. синт., 142). В них, как бы отвлеченно они ни были взяты, находится некоторый положительный штрих из отвлеченного содержания соответственных образов, и нет никаких следов опосредственного указания на объект.

Упустив этот критерий опосредственного указания на объект и идя по пути отвлечения, немудрено найти «суррогат глагольного местоимения» — «описательное глагольное местоимение» в выражении «Что делать?» «Что это выражение, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответе на этот вопрос слово **делать** не повторяется и не подразумевается, например: **Что ты делаешь? — Читаю, а не делаю чтение или делаю читать**» («О местоимениях» в № 6 «Русск. яз. в школе», 1940, стр. 21, статья проф. А. И. Зарецкого. У акад. В. В. Виноградова об этом «Русск. яз.», 326).

Опосредственность в прилагательных местоимениях не дает никаких грамматических следствий. Относительные местоимения называют свой объект не прямо, а побочно, так как прямым было бы название самого предмета.

Вторую группу составляют местоимения относительно-логического характера.

¹ Здесь термины **непосредственный** и **опосредственный** употреблены в ином смысле, чем они были употреблены до этого; здесь они не имеют качественного смысла.

В их первой подгруппе местоимения «намекают» или «намечают» тот или иной логический класс: напр., **кто?** имеют в виду лица или одушевленные предметы, а **что?** — неодушевленные; **какой?** — намечает логический класс качества; **который?** — порядковых числительных; **сколько?** — вопрос о количестве предполагает данным класс количественных числительных.

Ко второй подгруппе относятся такие местоимения, которые дают тот или иной логический подход к установленному существительным логическому классу. Напр., **какой-нибудь, какой-либо, какой-то, один**, когда берется какой-либо экземпляр из данного рода вещей; **всякий, каждый** — когда имеется в виду логическое равенство единичных экземпляров данного рода вещей; **все** — когда вещи данного класса берутся путем представления всех его единичных экземпляров; различая, отделяют от данного класса вещей, напр. **иной, другой, некоторые**; различая, не отделяют, напр. **сам, самый**.

Слова третьей подгруппы совмещают в себе обе функции: намечают логический класс и дают формально-логический подход к нему; напр., **кто-либо, что-либо, кто-нибудь, что-нибудь, кто-то, что-то, некто, нечто, несколько**, или отрицают, напр., **никто, ничто, никакой, нисколько**. **Несколько** называет приблизительное количество, предполагая данным класс количественных числительных.

Такие местоимения, как **кто?, что?**, хотя и являются адекватными предметности (по нашему более точному термину, кусочности), но они не прямое выражение класса предметов, а его побочное, так как прямым классовым понятием в данном случае будет предмет (кусоч действительности), а не местоимение **кто? что?**

То же *mutatis mutandis* относится к местоимениям **какой? который? чей?** Они являются не прямыми, а побочными выражениями качественности, порядковой числительности. Вот почему мы полагаем, что проф. А. М. Пешковский соскользнул на точку зрения формального момента, так как вместо определения предмета стал на точку зрения вопросов **кто? что?** (1966, «Русск. синт.»).

Слова второй подгруппы выражают формально-логические отношения к вещам логического класса. Они лишены материальности признака; это видно из сравнения их с качественными прилагательными, отражающими материю признака, как, напр.: **красный, вешний, сочный** и т. п. Если бы они обладали материальностью признака, они не могли бы относиться к любому экземпляру любого логического класса. Они поэтому формальны. Они одновременно выражают не самые вещи какого-либо логического класса, а нечто формальное и побочное, но общее для всех. Эта их формальная отвлеченность еще более усугубляется тем, что они берутся в отношении любой вещи, т. е. характер вещи не придает им никакой материальности. Если я говорю **всякая сосна**, то сосна ограничивает применение слова **всякий** к экземплярам логического класса **сосна**; если же я откидываю слово **сосна**, то **всякий** получает весьма широкий объем, пределы ко-

торого очерчиваются понятием предмета, вещи. Вот почему тут получается весьма высокая отвлеченность при формальности признака.

Слова третьей подгруппы имеют обе функции: намечается логический класс вещей и дается какой-нибудь формально-логический подход к экземплярам класса. Вот почему в них мы находим побочность и формальность; отвлеченность же здесь, по сравнению со словами второй подгруппы, ограничивается установленным классом; напр., **кто-либо** — из класса одушевленных предметов берется **какой-либо**.

Раз местоимения обеих групп указывают на предметы опосредственно (первая группа) или же побочно (вторая группа), то следует: местоимения с этой точки зрения замещают непосредственные названия (см. стр. 319—321 «Русского языка» акад. В. В. Виноградова, стр. 222, 224, 236 «Членов предложения и частей речи» акад. И. И. Мещанинова)¹.

Акад. В. В. Виноградов в местоимениях оставляет лишь некоторую часть: лично-предметные, возвратные, «кто-что» и осложненные формы последних («Русский язык» В. В. Виноградова, 317—336).

Вкратце остановимся на следующем пункте.

(Заблуждение Фр. Боппа о том, что *я*, *ты* не имеют множественного числа², есть следствие индивидуалистической концепции.

При этой последней никогда невозможно впрыгнуть в *мы*, которое постоянно будет представляться состоящим из *я* и других индивидов. Коллектив — это Иванов, Петров, Сидоров и т. д.³ И когда мы говорим: *мы* пишем, *мы* говорим, это значит: все члены данного коллектива выступают в роли *я* и поэтому множественное число от *я* будет *мы* (см. цит. раб. В. В. Виноградова, 330).)

¹ «Среди слов знаменательных резко выступает небольшой разряд местоимений, которые в сущности не называют никаких категорий лиц, предметов, качеств или чисел, а лишь тем или иным способом указывают на них» («Грамматика русского языка», изд. АН СССР, 1952, стр. 28). Это признание тем ценнее, что сказано не в видах теоретических соображений.

² Так, еще Ф. И. Буслаев, ссылаясь на Боппа, писал: «Я, собственно, не способно к принятию на себя множественного числа, ибо только одно *я* и понятие *мы* содержат в себе не только меня, но и множество других неделимых различного рода» («Русс. яз.» акад. В. В. Виноградова, 330, со ссылкой на Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», ч. II, 80). Выше сказано: «*Я*, *ты* не имеют множественного числа. Много *я*, много *ты* — эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения *мы*, *вы* имеют другие значения» (там же ссылка на Fr. Bopp-a «Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen...» (1833 — 1842, S. 472).

³ Формула «*я* и другие индивиды» неизбежно влечет за собою, несмотря на формулу констатации, ускользающий от внимания результат: при *я* другие индивиды не *я*. Поэтому для разрешения этой проблемы необходима объективная точка зрения: коллектив — это Иванов, Петров, Сидоров и т. д. В ней нет *я* и нет привносимого им незаметного, но искажающего результата.)